

Раскаленные куски угля разлетались в стороны, словно ядовитые искры, вырвавшиеся из самого пекла!

Несколько обжигающих угольков с неистовой силой впились в тыльную сторону ладони Сяо Чэ. Кожа мгновенно покрылась ярко-красными отметинами, послышалось отчетливое шипение, и воздух наполнился тошнотворным запахом паленой плоти.

Однако Сяо Чэ не чувствовал боли. Казалось, эта физическая мука ничтожна по сравнению с той, что разрывала его сердце. Все его чувства, вся его ярость и ужас были сосредоточены лишь на одном — на фигуре, что безвольно оседала на землю.

Се Цинъянь, подобно тонкой иве, сломленной неистовым ветром, плавно завалился вперед.

Сознание, раздавленное чудовищным ударом, рассыпалось в прах, погружая его в бездонную тьму. В тот самый миг, когда он должен был с силой удариться о холодные и твердые золотые плиты пола, чьи-то мощные руки, двигавшиеся с быстротой молнии, в последнее мгновение стали невероятно бережными. Они подхватили его, и Сяо Чэ прижал его к себе!

Мышцы Сяо Чэ напряглись, под черным драконьим халатом тело стало твердым, как камень.

Он опустил взгляд на человека в своих руках. Лицо, бледное до прозрачности, было покрыто испариной и пылью, губы искусаны в кровь, а пряди черных волос прилипли к вискам. Он казался хрупким, словно стекло, готовое разбиться от малейшего касания.

Но страшнее всего были его руки — руки, которые когда-то порхали, словно бабочки, и безмолвно зывали к нему. Теперь ладони превратились в обугленное месиво, кожа страшно вздулась и почернела, обнажая пугающую сероватую плоть, а местами проглядывали белые кости! Тонкие струйки дыма с едким запахом гари поднимались от этих жутких ран.

— У-у... — даже в беспамятстве тело Се Цинъяня содрогалось от нечеловеческой боли, а из горла вырывался надрывный стон, напоминающий предсмертный хрип детеныша зверя.

Эта картина, словно отравленный клинок, вонзилась прямо в сердце Сяо Чэ!

Необузданная ярость, способная сжечь небеса и землю, вместе с осознанием глубокой, доходящей до костей боли, о которой он сам не подозревал, вмиг поглотила остатки его рассудка.

Ревность, гнев, горечь предательства и невыразимая мука от этого акта саморазрушения захлестнули его, подобно цунами.

— Ты... ради него... — голос Сяо Чэ звучал хрипло, словно наждачная бумага по ржавому железу. Каждое слово, казалось, вырывалось из самой глубины груди, вместе с кровавыми

ошметками, пропитанными запахом крови.

Он не сводил глаз с безжизненного лица Се Цинъяня. Его взгляд бешено менялся: от изумления и неверия до всесокрушающей ярости, пока, наконец, не застыл, превратившись в бездонную ледяную бездну, внутри которой бушевал темный шторм.

Он резко вскинул голову, подобно раненому древнему зверю, и обвел взглядом ошоломленного Линь Муе и безмолвную толпу беженцев. Его голос, пропитанный смертоносной угрозой, донесся из самых глубин девяти кругов ада и эхом разнесся по всему Западному саду:

— Линь Муе! Схватить его! Бросить в самую глубокую камеру тюрьмы Тяньлао! Всех до единого простолюдинов, посмеявшихся пойти против императорской особы, немедленно арестовать! Выяснить, кто за этим стоит, и вырвать с корнем! Найти виновных и истребить их до третьего колена! **Я заставлю их заплатить за эту кровь!**

— Назад во дворец!

Последние слова прозвучали как раскат грома, в них слышался непрекращаемый гнев императора и безумная спешка.

Больше не глядя ни на кого, он прижал к себе тело, которое было легким, как пушинка, но тяжелым, как груз тысячи жизней, и широкими шагами бросился к паланкину, ставшему для него клеткой. Черный плащ развевался на ветру, словно саван самой смерти.

— Прочь! Все вон с дороги! — ревел император, подобно вышедшему из-под контроля дракону. Стражники и евнухи, охваченные ужасом, в панике разлетались в стороны. Сяо Чэ буквально влетел в паланкин вместе с Се Цинъянем.

— Живее! Во дворец! Быстрее! Всех лекарей Императорской медицинской академии — немедленно во дворец Чжумин! Опоздаете хоть на мгновение — головы с плеч! — крик Сяо Чэ донесся сквозь плотные занавески, в нем сквозило отчаяние и невиданный ранее страх.

Восемь сильных носильщиков подхватили паланкин и рванули вперед, прокладывая путь сквозь хаос Западного сада.

Внутри было тесно и душно, воздух пропитался запахом крови и жженой кожи.

Сяо Чэ крепко прижимал к себе Се Цинъяня, бережно оберегая его раненные руки своей грудью и локтями, чтобы уберечь от малейшего толчка.

Он чувствовал, как тело в его руках мелко дрожит от боли, и этот слабый огонек жизни, казалось, мог погаснуть в любую секунду.

— Держись... умоляю, держись... — голос Сяо Чэ был едва слышен, в нем дрожали нотки, которые он сам не осознавал.

Он смотрел на лицо, которое было совсем рядом, лишенное всякой крови. Длинные ресницы, словно крылья умирающей бабочки, подрагивали.

Искусанные в кровь губы продолжали беззвучно шевелиться, словно впитывая в себя невыносимую муку.

Неописуемый ужас, словно холодная змея, сдавил сердце Сяо Чэ.

Он резко оторвал рукав от своей ярко-желтой нижней рубахи и с пугающей поспешностью, но невероятно осторожно, коснулся ран Се Цинъяня.

Он неумело, но с предельной концентрацией слой за слоем обматывал эти руки, пытаясь отгородиться от страшной реальности, словно это могло остановить угасание жизни.

— Зачем... ну зачем... — бормотал он, глядя, как ткань мгновенно пропитывается кровью. Его взгляд был безумен. — Ради Линь Муе... ты так хотел умереть? Неужели я... — слова застряли в горле, сменившись задавленным рыком. Он резко поднял голову и крикнул наружу: — Быстрее! Пусть вы выбьетесь из сил, но гоните быстрее!

Паланкин безумно мчался по дворцовым дорожкам, сильно подпрыгивая на неровностях. Каждый толчок заставлял сердце Сяо Чэ сжиматься от страха, и он прижимал к себе раненого еще сильнее, подставляя собственное тело в качестве амортизатора.

Время тянулось бесконечно, каждая секунда была подобна пытке на раскаленной сковороде.

Наконец, показался дворец Чжумин.

Не дожидаясь, пока паланкин остановится, Сяо Чэ выбил дверь и, словно черный вихрь, ворвался внутрь!

— Лекари! Где вы все, бездельники! — рев императора сотряс стены дворца.

Глава Императорской медицинской академии и несколько опытных лекарей, уже ждавшие внутри в трепете, бросились к нему.

Когда они увидели руки Се Цинъяня, обмотанные наспех, но уже пропитанные кровью и сукровицей, даже выдавшие виды старики побледнели и ахнули.

— Ваше Величество... — голос главы лекарей дрожал. — У господина... тяжелейшие ожоги третьей степени, ткани обуглены, боюсь, задеты кости... Нужно немедленно очистить раны и удалить омертвевшую плоть, иначе начнется заражение! Но эта боль... — он не решился продолжить.

— Заткнись! — глаза Сяо Чэ налились кровью. Он аккуратно уложил Се Цинъяня на кровать, застеленную мягкими перинами, и прорычал: — Мне плевать, как вы это сделаете! Спасите его руки! Спасите его жизнь! Если с ним хоть что-то случится, я прикажу всей академии лечь в могилу вместе с ним! За работу! Живо!

Лекари, охваченные ужасом, не смели больше произнести ни слова.

Крепкое вино, серебряные скальпели, порошки, бинты — всё было готово в одно мгновение. Дворец наполнился запахом лекарств и спирта.

Когда вино начало промывать раны, а серебряный нож принялся удалять обугленную плоть, тело Се Цинъяня, даже в глубоком обмороке, содрогнулось от нестерпимой боли. Из горла вырвался сдавленный, неестественный стон, лоб мгновенно покрылся крупными каплями пота.

— А-а-а! — этот слабый, жалобный крик, похожий на стон умирающего зверька, пронзил барабанные перепонки и сердце Сяо Чэ!

— Осторожнее! Вы, никчемные твари! Делайте это осторожнее! — Сяо Чэ, не помня себя от ярости, бросился к кровати. Забыв об императорском достоинстве, он опустился на колени и дрожащей рукой, на которой еще виднелись следы ожогов, крепко сжал здоровое запястье Се Цинъяня. Сила его хватки была такова, что, казалось, он вот-вот раздробит тонкие кости, словно пытаясь передать свою силу и разделить эту невыносимую муку.

— Цинъянь... Цинъянь! Посмотри на меня! Держись! — голос Сяо Чэ звучал надрывно, почти умоляюще.

Он видел, как в беспамятстве хмурится Се Цинъянь, как из-под густых ресниц проступают слезы, видел его окровавленные, приоткрытые губы.

Неслыханный прежде ужас сковал его сердце.

Он низко склонился, прижавшись своим горячим лбом к холодному, влажному от пота лбу Се Цинъяня. Его обжигающее дыхание опаляло лицо возлюбленного, а голос, в котором сквозило отчаяние и скрытая доселе хрупкость, прозвучал как гром:

— Зима в Холодном дворце... там было так холодно... снег задувал через дыры в крыше... — его голос дрогнул, словно он снова вернулся в то безнадежное детство. — Тогда... только твои лекарства... только свет того фонаря-кролика... не умирай... умоляю... не бросай меня...

Горячие капли беззвучно упали на забинтованные ладони Се Цинъяня, пропитывая повязки.

Даже сквозь толстый слой бинтов этот жар проник внутрь, смешиваясь с соленым вкусом слез и острой болью ран.

Пальцы правой руки Се Цинъяня, которую Сяо Чэ сжимал до побеления, едва заметно, слабо дрогнули. Казалось, эта капля императорской слезы обожгла его даже сквозь беспамятство.

<http://bllate.org/book/20749/2080021>